

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЗВЯЗДА» В 1920–1930-Е ГОДЫ

Изучение новейших публикаций свидетельствует, что нет специальных исследований, в которых бы освещалась роль прессы, в том числе и газеты «Звезда», в раскрытии трансформации советской национальной политики в сложный межвоенный период. Исключением является небольшой раздел «Газета «Звезда» – выкрывальница «нацдэмакратызму» і заступніца беларусізацыі» в недавно вышедшей научно-популярной книге Л. М. Лыча [1, с. 269–290].

С учетом объема публикации попытаемся затронуть некоторые сюжеты обозначенной темы, чтобы показать, как менялись оценки и подходы к национальным проблемам в БССР (архивные материалы вводятся в научный оборот впервые, % подсчитаны автором). Мы условно выделяем три этапа в деятельности газеты в этом направлении.

1. 1917–1927 гг. В первые годы советской власти и в период НЭПа газета, образно выражаясь, определяла свое лицо, формировала свой стиль, язык общения с читателем. Она способствовала сплочению сторонников нового строя, информировала партийный аппарат и активистов. С 1917 г. по 1925 г. «Звезда» издавалась на русском языке, затем на белорусском и русском языках, а с 1927 г. на белорусском языке, применению и овладению которым придавалась первостепенная роль в условиях осуществляемой в республике политики белорусизации. Определяя задачи в области национальной политике пленум ЦК КП(б)Б в январе 1925 г. записал «признать целесообразным смешенный язык для «Звезды»...» [2, с. 168]. На октябрьском пленуме этого же года в резолюции «О нацполитике» в п. 9 читаем, что «...немедленный и полный перевод «Звезды» на белорусский язык грозил бы оставить КП(б)Б без единого органа. Однако частичная белорусизация газеты возможна уже сейчас» [2, с. 182–183].

В специальном постановлении ЦК КП(б)Б от 11 февраля 1926 г. о работе газеты «Звезда» указано, что в ее содержании отдавать преимущество вопросам деревни, фабрично-заводским, вопросам внутренним, а «вопросу нацполитики, интеллигенции уделять должное внимание...» [2, с. 221–222]. Постановлением ЦК КП(б)Б от 17 октября 1927 г. о типе газет «Рабочий», «Звезда», «Савецкая Беларусь» в п. 1 определено: «Звезда» як цэнтральны орган КП(б)Б павінна даваць больш кіруючага матэрыялу ў сваіх перадаваннях на падставе пастаноў Бюро ЦК КПБ» [2, с. 286].

2. 1928–1933 гг. Период систематического изъятия релевантной информации из публичного дискурса. Это усиливало, узко определяемую политическую позицию партийного руководства ослабляло его способность реагировать на важные проблемы и принимать адекватные политические решения. Неспособность и нежелание большевиков открыто обсуждать проблемы ускорили переход на рубеже 1920–1930-х годов от убеждения к принуждению. Это нашло отражения в многочисленных передовицах, редакционных статьях «Звезды», статьях отдельных авторов.

С конца 1920-х годов стала проявляться тенденция резкого противостояния марксистского и националистического мировоззрений. На стороне первого была не только мощь государства (агитационно-пропагандистская работа, периодическая печать и др.),

но и, что очень важно, ментальные предпочтения большинства населения, особенно городского, ориентировавшегося на русский язык и русскую культуру. Орган ЦК КП(б)Б «Звезда» и показала всю эту мощь в публикациях 1928–1933 гг. Ориентир и тон борьбы с идеологией буржуазно-демократического национализма был задан статьей первого секретаря ЦК КП(б)Б В. Г. Кнорина. Он писал «...мы пакінутую вякамі нам спадчыну прымаем пасля таго, як яна вытрымала нашу класавую марксістскую крытыку» [3, с. 2]. Такая оценка исторического прошлого имела общесоюзные тенденции периода 1920 – начала 1930-х годов, когда, как отмечает Т. Ю. Красовицкая, «весь человеческий опыт начинался если не с октября 1917 года, то с революции 1905–1907 годов» [4, с. 326]. В статье В.Г. Кнорин определил и задачи, и направления в работе с национальными меньшинствами в условиях белорусизации. В духе традиции 1920-х годов он сказал и о российском шовинизме, который в значительной мере побежден. Вместе с тем, он отметил, что будет большой ошибкой, если не обратить пристального внимания на политическое и культурное обслуживание рабочих и крестьян на русском языке, что вопрос о русском национальном меньшинстве «особый большой вопрос» [3, с. 3].

Численность белорусов в составе городского населения в 1920–1930-е годы, хотя и увеличилась, но белорусский город оставался традиционно русскоязычным и продолжал играть главную роль в политической и культурной жизни общества, оказывая существенное влияние на культуру и быт все ещё традиционной белорусской деревни, где проживало абсолютное большинство этнических белорусов.

Данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. свидетельствуют, что белорусский город в 1926 г. не был белорусским. Среди всего городского населения на белорусов приходилось только 39,3%. Они оказались на предпоследнем месте по уровню урбанизации (% проживающих в городах лиц конкретной национальности от общего их количества проживавших в БССР). На первом месте были татары – 85,2 %, затем шли евреи – 83,6 %. В городах проживало 34,4 % русских, 30,9 – литовцев, 22,7 – латышей, 21,4 – украинцев, 20,2 – поляков, 8,3 – белорусов, 7,1 – цыган и 59,7% – других этносов. [5, с. 10–13],

Расчеты показали, что у белорусов и в 1939 г. оказалась самая низкая степень урбанизации (16,9 %), тогда как у евреев – 87,8 %, русских – 50,0, украинцев – 42,7, поляков – 30,8, немцев – 39,1, латышей – 35,4, татар – 50,2, литовцев – 40,9, цыган – 22,8, других национальностей – 37,1 %. Численность белорусов на селе увеличилась на 150 тыс. Они составляли более 91 % всех его жителей [6, лл. 1–42]. Изменения, произошедшие в национальном составе населения БССР между переписями как в городе, так и в деревне отразились и на языковой ситуации. Нами установлено, что в конце 1930-х гг. город остался русскоязычным. Только 46,0 % горожан назвали родным белорусский язык [7, л. 14].

Политика белорусизации способствовала самоидентификации всех белорусов и особенно белорусов на Гомельщине. Это, на наш взгляд, стало основной причиной уменьшения численности русских в составе населения БССР. В 1939 г. в Гомельской области, абсолютное большинство территории которой составили бывшие Гомельский и Речицкий округа, русских проживало только 71 273 чел. или 19,5 % от всех русских в БССР, тогда как в Витебской области – 27,7, Могилевской – 23,8, Минской – 21,8, Полесской – 7,2 %. Традиционно большой удельный вес русских была среди населения Витебщины. В 1939 г. здесь их было 7,9 %, при среднем показателе по республике – 6,6 % [7, л. 13]. Ровно половина всех русских БССР в 1939 г. проживала в городах. Доля мужчин в общей численности русских составляла 64,2%. В городах их насчитывалось на 18 тыс., а в сельской местности (здесь находилась значительное количество частей БВО, [См. 8]) – на 85 тыс. больше, чем женщин. Это подтверждается и возрастными показателями. Среди проживающих в республике русских мужчин в возрасте 20–29 лет (такую возрастную группировку дают материалы переписи 1939 г.), в браке состояли 38,6 % горожан и только 33,7 % сельчан. Это было соответственно на 8% меньше, чем женатых мужчин белорусов-горожан и почти в два раза меньше, чем у жителей села. Большинство мужчин данного возраста как раз и находилась на военной службе [9, л. 36].

3. 1934–1939 гг. Предшествующая идеологическая политика, отказ от патриотизма, языково-культурные барьеры не могли объединить воедино всех жителей СССР, который приобрел черты многоуровневой этнической федерации. В годы первых пятилеток в условиях кардинальных геополитических изменений произошла мобилизационная модернизация, обусловившая экономическую трансформацию. Эти процессы в СССР, как и в других европейских странах, привели к унификации знаний и навыков, распространению единой культуры. Важную идеологическую роль в формировании новой общности – советский народ начала играть история, окончательно закрепившая свой статус в 1934 г. На наш взгляд, культурная унификация в СССР не являлась «русификацией». В 1930-е годы сформировалась советская культура, которая представляла собой своеобразный сплав новых социалистических традиций и культурного наследия многих народов огромной страны.

Под принципиально новую модель социально-экономического развития стали постепенно подводить и новую модель национальнокультурного развития. После своеобразной «шоковой терапии» белорусизации начался процесс конструктивного проектирования, новый советский народ, что бы об этом теперь не говорили, но это объединяло все национальности СССР. Это важно было в первую очередь для восточнославянских народов глубинные архетипы его сознания и национальные интересы укреплял, объединял и развивал русский язык. На наш взгляд, волюнтаристски-административное навязывание народу только белорусского языка чиновниками или интеллигенцией в 1920–1930-е годы не получали поддержки в значительной части многонационального населения республики.

Свой вклад в новый этап национально-культурного строительства вносила и газета «Звезда». Чиновничьи просчёты или нежелание понять задачи белорусизации, породили весьма сложные проблемы в школах республики. Так, накануне 1934/35 учебного года учительская конференция г. Гомеля три дня обсуждала проблемы школьного образования. Её участники обратили особое внимание на ликвидацию недостатков и искривлений при комплектовании национальных школ, а также на ликвидацию отставания в преподавании русского языка в школах. В начале сентября серьёзные критические материалы поместила газета «Звезда». В республике уменьшалось число русских школ без учёта детей, родным языком которых был русский. Это имело место и на Гомельщине. В Гомеле в русских школах им. Калинина и им. 5-ой годовщины Октябрьской революции крайне не хватало учебных площадей, была слабая материальная база. По плану Наркомата просвещения в наступившем учебном году необходимо было открыть 85 новых групп: 40 белорусских, 37 русских, 7 еврейских, 1 польскую. Гомельский отдел образования решил открыть 52 белорусских, 22 русских и 5 еврейских групп. Заведующий ГОРОНО Данильчик дал указание: «В русские школы принимать детей только русских». Этим самым писала «Звезда» он «узаконил приём в школы не по принципу родного языка, а по национальному» [10, с. 3].

Таким образом, краткий анализ обозначенных проблем позволяет считать, что существенное место в идеологическом дискурсе 1920–1930-х годов занимала пресса. Газета «Звезда», как и вся советская печать, в значительной степени являлась системой коммуникации среди официальных лиц и политических активистов, а не среди основной массы населения. Участие органа ЦК КП(б)Б в советском национально-культурном строительстве нельзя односторонне объяснить идеологической манипуляцией или давлением политической власти. Это процесс сложного взаимодействия разных факторов как «сверху», так и «снизу». Советская пресса способствовала частичному приближению государственной идеологии к массам. Массовая коммуникация, в том числе и газеты, в известной мере предполагает согласие со стороны реципиентов. В условиях трансформации советской национальной политики, выросла социальной мобильности титульного этноса. Это существенным образом повлияло на судьбу белорусского народа, получившего свое развитие в тесном сотрудничестве с другими народами СССР. Эти объективные реалии отражала на своих страницах и газета «Звезда». Обозначенная нами тема требует самостоятельного и кропотливого исследования.

Список использованных источников

- 1 Лыч Л. Беларуская нацыянальная ідэя: тэарэтычны і практычны аспекты / Л. Лыч – Мінск, 2010. – 362 с.
- 2 Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии в двух частях. Часть 1. 1918–1928. – Мінск: Беларусь, 1990. – 357 с.
- 3 Кнорын, В. Аб рашаючых «дробязях» у вялікім пытанні (Да пытання аб палітыцы беларусізацыі) / В. Кнорын // Звязда. – 1928. – 19 крас.
- 4 Красовицкая, Т. Ю. Модернизация России: национально-культурная политика в 20-е гг. / Т. Ю. Красовицкая // РАН. ИРИ. – Москва, 1998. – 414 с.
- 5 Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. X. – Москва : ЦСУ СССР, 1928, – 289 с.
- 6 Белорусская ССР. Всесоюзная перепись населения 1939 года. / Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 913.
- 7 Белорусская ССР / РГАЭ. – Фонд. – 1562. – Оп. 336. – Д. 257.
- 8 Старовойтов, М. И. Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / М. И. Старовойтов // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. – 2018. – №1. – С. 8–15.
- 9 Белорусская ССР. РГАЭ. – Фонд. – 1562. – Оп. 336. – Д. 429.
- 10 «Рускія школы толькі для дзяцей рускіх». Ад гомельскага карэспандэнта «Звязды» // Звязда. – 1934. – 4 вер.

В. У. Цацарын

г. Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны

ВАЖНАЯ КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ XVI СТАГОДДЗЯ

Тэрыторыя Гомельшчыны у XVI стагоддзі – гэта свайго кшталту «гарачая кропка» таго часу. Яна знаходзілася на памежжы з Маскоўскай дзяржавай, з якой Вялікае княства Літоўскае вяло перманентныя войны з канца XV ст. На некаторы час Гомель і яго бліжэйшая акруга нават пераходзілі пад уладу Масквы. Таму базу крыніц, застаўшыхся нам з таго часу па розных накірунках жыццядзейнасці, можна ахарактарызаваць як вельмі нешматлікую. І тым каштоўней падаецца тое, што захавалася.

Сярэдзіна XVI ст. для аграрнай гісторыі ВКЛ – гэта час пераменаў, у якіх некаторыя даследчыкі бачаць нават праявы капіталізму. У Заходняй Еўропе у той час рэзка ўзрос кошт зерня, бо вядучыя дзяржавы былі вымушаны значныя пашы пераводзіць пад тэхнічныя культуры. Дзеля павышэння прыбытковасці землеўладанняў магнаты і буйная шляхта сталі павялічваць паншчыну, ствараць вялікія па плошчы пашы. Не засталася ў баку і дзяржава. На вялікакняскіх землях праводзілася так званая валачная памера – аграрная рэформа, накіраваная на стварэнне фальваркаў.

Названыя мерапрыемствы датычылі тэрыторыі Заходняй і Цэнтральная Беларусі. На ўсходнія землі «Устава на валокі» не распаўсюджвалася. Аднак сельская гаспадарка і тут упарадкоўвалася. Толькі змены мелі не такія выразны і радыкальны характар. У канкрэтных гаспадарскіх валоданнях (яны часцей за ўсё мелі найменне «староствы») вызджалі прадстаўнікі дзяржаўных камісій. На месцы праводзілася вывучэнне стану старостваў, вызначалася якасць зямлі, прызначаліся новыя падаткі з сялян і г.д. А вынікі гэтай працы адлюстроўваліся ў спецыяльных дакументах – інвентарах.

Захаваўся інвентар Гомельскага староства, які быў апублікаваны ў «Актах Віленскай Археаграфічнай камісіі» [1, с. 343–347]. Гэты дакумент выкарыстоўвалі гісторыкі на мяжы XIX–XX стст. – М. К. Любаўскі [2], М. В. Доўнар-Запольскі [3]. З гістарыяграфіі савецкіх часоў трэба адзначыць У. І. Пічэту, які даваў яго правільную даціроўку [4]. А, напрыклад,